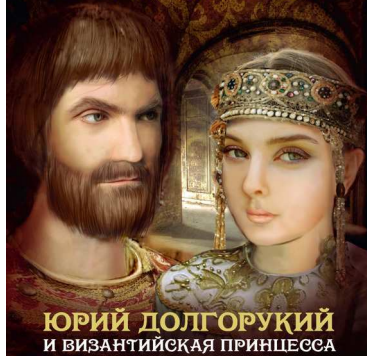

Павел Загрельный
в сериале ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ
И ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРИНЦЕССА

Павел Архипович Загребельный Юрий Долгорукий и византийская принцесса

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320731
Загребельный, Павел Архипович Юрий Долгорукий : ист. роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084854-6

Аннотация

Исторический роман известного писателя П. А. Загребельного (1924–2009) рассказывает о жизни и деятельности великого киевского князя Юрия Владимировича, прозванного Долгоруким.

Содержание

От автора	5
Смерть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Павел Загребельный Юрий Долгорукий (Смерть в Киеве)

© Загребельный П. А., наследники, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

От автора

Князь Юрий Долгорукий (1090–1157) известен как основатель Москвы. Уже за одно это он заслуживает вечной благодарности потомков.

Хотя, к сожалению, летописцы, а позднее некоторые историки, начиная от В. Татищева, не были справедливы в отношении Юрия Долгорукого и сделали все для того, чтобы обесславить его.

Факты же свидетельствуют о том, что Долгорукий был одним из выразителей народного стремления к единству нашей земли, боролся за это до самой своей смерти.

Боярство и церковники всячески мешали Долгорукому в его деятельности, выставляя против него таких послушных им князей, как Изяслав Киевский. Они не останавливались перед тягчайшими преступлениями, лишь бы только опозорить Долгорукого, не допустить его в Киев.

Сложилось так, что об этом периоде наши летописцы дают самые подробные сведения. Вся Киевская летопись, ставшая составной частью Ипатьевской, посвящена описанию борьбы Долгорукого с Изяславом. После внимательного сопоставления фактов и очищения их от наслоений, пристрастных оценок и несправедливых суждений эта 800-летняя история прочитывается сегодня как еще одно из свидетельств об извечном стремлении народов нашей необъятной страны жить в дружбе, согласии и единстве.

Смерть первая Суздаль

Киев был полон мягкого сияния. Оно лилось сверху, со спокойного осеннего неба, высоко вознесенного над киевскими горами, снизу навстречу ему поднималось сияние зеленое, а между зеленым и небесно-голубым тихо струилось-переливалось золото соборов, легко ложилась между ними первая желтизна листьев, это мягкое свечение словно бы проникало в душу, и невольно казалось, будто и сам ты, входя в этот город, становишься бессмертным.

Но Дулеб хорошо знал, что за этим спокойным сиянием неистребимо стоит свежее напоминание о смерти, случившейся в Киеве, – поэтому въезжал он в город без радости, а если бы имел возможность выбирать, то, наверное, охотнее отряхнул бы на город прах с ног своих по обычаю апостольскому, чем отправился по улицам, где еще неделю назад тащили тело убитого князя Игоря.

Дулеб не был апостолом, он был всего лишь княжьим лекарем приближенным, получил неожиданную власть не только над плотью князя, но и над его душой, и случилось так, что великий князь киевский Изяслав Мстиславович поставил Дулеба выше всех довереннейших бояр, воевод и тысяцких. И когда в походе против черниговских князей пришла вдруг весть об убийстве Игоря в Киеве, Изяслав тайно послал Дулеба гнать след в этом тяжком и кровавом деле.

Дулеб въезжал через Софийские ворота. Был утомлен и хмур, сияние киевское словно бы и не касалось его, зато щедро проливалось оно на Иваницу, который с надлежащим почтением к своему хозяину ехал чуточку позади, был, как всегда, беззаботно-улыбчивым, светел лицом и поражал каждого встречного несказанной чистотой своего взгляда.

Еще раньше они проехали Подольскую торговицу – это последнее печальное пристанище мертвого Игоря, куда привезли его после убийства с Горы на простом одноконном возу, – затем окуривались дымами Гончаровки, в нарочитой неторопливости пробирались сквозь смрад Кожемяк, – Дулеб выбирал самые нищие, самые грязные улочки нижнего Киева, так, словно бы стремился хотя бы этим искупить смерть князя. Иванице же всюду было одинаково, он точно так же сиял чистотой глаз своих повсюду, никакая печаль не донимала его, да и ничто на этом свете, казалось, не могло омрачить его ясную душу.

От Софии Дулеб повернул коня по той дороге, по которой тогда должна была лететь разъяренная толпа киевлян с намерением вытащить князя Игоря из монастыря святого Феодора и свершить над ним свой суд – скорый и неправый. Все указывало на то, что Дулеб вот так проедет через мостик перед воротами в старый Владимиров город, возле монастыря святого Феодора и Мстиславова княжьего двора, затем на Бабьем торжке придержит коня и, не заботясь о том, едет за ним Иваница или нет, повернет назад, чтобы проследить еще раз смертный путь князя Игоря, теперь уже не в обратном, а в истинном направлении, и быть может, пережить этот путь или же найти на нем начало следов, которые со временем он должен распутать до конца.

Собственно, Дулебу и незачем было кружить по этому кругу смерти. Он мог бы потом пустить по нему самого Иваницу, хотя тот, при всей своей видимой беззаботности и привычке не вмешиваться в дела своего хозяина, уже и так увидел все, что и должен был увидеть. Обо всем остальном не беспокоился: знал, что все вести, явные и тайные, сами придут ему в руки без малейших усилий, как это уже было не раз и не дважды, нужно лишь набраться необходимого терпения.

Но даже Иваница удивился Дулебу, когда тот не стал проследить до конца смертный путь Игоря, не попытался также незамеченным скрыться в большом городе, а сразу же, как только проехал ворота Владимирова города, направился к воротам монастыря святого Феодора и изо всех сил ударил в деревянную колотушку.

Напрасным было бы ждать, что после недавних событий здесь охотно будут открывать каждому, и Дулеб поднял было руку, чтобы еще раз ударить в колотушку, но сбоку от ворот открылось скрипящее окошко и заросшее до самых глаз черной бородой лицо молча уставилось на пришельцев.

– К игумену Анании, – глухо произнес Дулеб и, заметив недоверие чернобородого монаха, добавил: – От великого князя Изяслава.

При этом он прикоснулся пальцами к золотой гривне Изяслава, которую имел на шее. Иваница радостно посматривал на бородатого монаха, с еще большей радостью смотрел он на своего хозяина и на его драгоценную гривну, такая улыбка суждена лишь тем, кто прибывает с вестями добрыми, поэтому монах, еще малость поколебавшись и похлопав глазами, загремел тяжелыми засовами на монастырских воротах. Он спохватился лишь тогда, когда оба всадника так и въехали на монастырский двор верхом, не слезая с коней, будто половцы поганые. Хотел изречь нечто гневное, поднял руку, быть может и для проклятий, но Дулеб спокойно сказал ему:

– Закрывай ворота, чтобы никто не видел...

Так, будто перед этим весь Бабий Торжок не наблюдал, как они святотатственно въезжали в монастырь.

Все-таки Дулеб соскочил с коня, то же самое сделал и Иваница, но не из уважения к святому месту, а лишь из потребности размять затекшие от долгой езды ноги.

Привратник долго возился с тяжелыми засовами.

– Варяжские причиндалы, – следя за усилиями монаха, заметил Иваница, и трудно было понять – размышляет ли он вслух с самим собою или же обращает внимание своего хозяина. Но Дулеб и сам уже успел заметить все: и прочную стену, монастырскую каменную, и тяжеленные из дубовых бревен ворота, и замысловатые запоры на воротах, и монастырские строения из серого, непривычного для Киева, камня. Только и было здесь киевского, что деревья; высокие, пышнолистые, развесистые деревья скрывали неуклюжесть монастырских каменных строений, но одновременно и подчеркивали их тяжеловесность, их чуждый для этой щедрой земли дух твердости, суровости, черствости.

Монастырь основал покойный великий князь Мстислав, сын Мономаха от Гиты, дочери английского короля. Уже у самого Мстислава было достаточно в крови северной суровости, да еще к тому же был он женат на дочери свейского конунга Христине, – вот почему, наверное, и возводились эти строения в соответствии с привычками князя и княгини, разыскивался где-то серый тяжелый камень, ломался и переправлялся по рекам в Киев, чтобы лечь вот здесь, в стены церкви, келий и служб, творить святость именно такую, какой она представлялась мрачным северным душам. Последнее пристанище свое великий князь Мстислав и княгиня Христина нашли в этом суровом прибежище, обоих похоронили в монастырской церкви; со временем должна была упокоиться здесь навеки вторая жена Мстислава, которая тем временем еще жила на княжьем дворе с сыновьями своими Владимиром и Михалком, но никто не думал, что неприступная эта обитель станет местом смертоубийства, в особенности же смертоубийства княжьего.

Казалось бы, человек, укрывшийся за этими камнями, за этими запорами тяжелыми, может навсегда отбросить заботы о собственной безопасности. На самом же деле вышло так, что камень этот не спас князя Игоря, а, наоборот, словно бы лишил его возможности спастись, уклониться от угрозы, убежать от нападающих.

Ясное дело, можно было бы удивляться, как это удалось толпе так легко, быстро и просто прорваться в монастырь, но Дулеб не любил торопливости ни в чем, не хотел спешить и в таком новом для него деле, как установление истины об убийстве человека не простого звания.

– Теперь проводи нас в келию убиенного, – велел Дулеб привратнику, когда тот наконец управился со своими засовами.

Можно было бы спросить у него, так ли он хлопотал о своих запорах и в тот день, когда был убит князь Игорь, но сказано уже, что Дулеб не любил торопливости ни в каком деле, поэтому и не спрашивал ни о чем. Зато привратник раскрыл рот, видно для какого-то вопроса, но Дулеб, будто не хотел слышать его голоса, опередил его.

– Убиенного, – сказал он, – в келию убиенного князя Игоря, схимника вашего.

Путаясь в долгополой и, кстати, довольно новой рясе, монах провел их между деревьями, провел мимо церкви, мимо тяжелых, приземистых строений и молча ткнул рукой в направлении то ли еще какого-то здания, то ли просто вороха серых камней, затем отступил в сторону, с нескрываемым осуждением во взгляде следил, как эти двое ведут своих коней к месту святому издавна, а теперь еще и освященному мученической смертью бывшего хозяина.

– Останемся здесь, – бросил Дулеб монаху, – скажи отцу игумену об этом.

Он передал повод своего коня Иванице и пошел между деревьями к тому нагромождению серых камней, которое совсем еще недавно служило жильем для князя Игоря. Скит лишь внешне поражал дикой непривлекательностью, внутри же отличался неожиданной ослепительной белизной и уютом. Здесь было две маленьких кельи: прихожая и ложница. В обеих была простая, но удобная деревянная обстановка. На стенах – две маленькие иконки с изображением мук Христовых. Ничто не указывало на сановитость бывшего обитателя, разве лишь большая оленья шкура, небрежно брошенная на деревянный топчан в ложнице, да еще в углу прихожей два посоха из дорогого заморского дерева.

Все это Дулеб осмотрел мгновенно, вполглаза, ибо и осматривать, собственно, здесь было нечего, одновременно он оценил все удобства этого уединенного места для своего необычного дела, поэтому, когда в дверях появился игумен монастыря отец Анания, доверенный великого князя знал уже твердо: они с Иваницей пробудут здесь именно столько, сколько понадобится для завершения дела, еще и не начатого.

Игумен более естественно выглядел в этих белых, чистых и тихих кельях, чем среди диких камней, наваленных между зелено-золотыми киевскими деревьями на монастырской усадьбе. Был он маленький, худой как щепка, белорукий, с тщательно подстриженной бородой; все в нем так и сверкало чистотой и вымытостью, на новехонькой черной рясе красиво лежал золотой, с самоцветами, крест на золотой же цепи, создавалось впечатление, будто перед Дулебом появился вовсе и не игумен монастыря, этой обители бедности, молитв и вздыханий, а высокий иерей церкви. Игумен поднял маленькую вялую руку то ли для благословения, то ли, быть может, наоборот, чтобы прогнать непрошеного гостя, и Дулеб точно так же, как перед этим поступил с монахом, желая предупредить речь отца Анании уже раскрыл рот, чтобы сообщить ему все о себе, но на сей раз более проворным оказался хозяин.

– Сказано уже, – как-то вроде бы брезгливо промолвил игумен и скривил губы, – знаю, что посланы великим князем. Но ведь кони...

– Здесь нам будут надобны, – твердо сказал Дулеб, возненавидев игумена за одно лишь искривление его губ и с трудом подавляя желание швырнуть ему в лицо десяток страшных вопросов, на которые у того не могло быть ответов.

– Не ведаю токмо, – снова начал было игумен и снова прервал его речь Дулеб:

– Зовусь Дулеб, приближенный лекарь великого князя Изяслава, а это товарищ мой – Иваница.

– Слуга, – уточнил игумен.

– Товарищ, – твердо повторил Дулеб, – а также помощник в моем деле.

– Тут исцеляют души, а не тело, – напомнил игумен, по-прежнему не сходя с порога и, следовательно, еще не выражая своего отношения к посланцам.

– Не для лечения посланы мы, – промолвил Дулеб. – Надлежит нам пройти по следу смерти, что здесь случилась.

– Не здесь, – снова неприятно поморщился игумен. – В Киеве.

Дулеб подошел к нему, надвинулся своей грузной фигурой.

– Разве монастырь не Киев? – спросил он тихо.

– Здесь только деревья растут быстро и легко, как в Киеве, последовал ответ.

– А пороки?

Этим Дулеб уже откровенно намекал на виновность монастыря, а то и самого игумена в том великом преступлении, которое свершилось в Киеве, намекал, быть может, и преждевременно и даже вопреки своему неторопливо-спокойному обыкновению, но слишком уж надменно держался игумен Анания и спешил выразить свое презрение к князьему лекарю. Презрения же Дулеб не терпел ни от кого.

Вот так и стояли они друг перед другом; впервые встретились, а уже враги до самой могилы, враги заклятые, упорные, пока беспричинные. Просто у каждого было какое-то положение в жизни, и он должен был по-своему его защищать, отсюда неуклонно рождалась враждебность. Это неважно, что оба они служили одному и тому же князю. Собственно, сам князь и послужил причиной их стычки, он не подумал, как это неуместно посылать одного своего слугу, скажем, слишком земного, телесного, проверять и выпытывать слугу небеснодуховного. Низшего он послал против высшего, а от этого добра не жди никогда.

Игумен Анания и не ответил на последнее слово Дулеба. Пренебрежительным молчанием он подчеркнул неуместность и непристойность вопроса. Стоял гордо выпрямившись, смотрел мимо Дулеба куда-то в пространство, смотрел в прошлое, видел там торжества высокие и не будничные, видел свое вознесение, когда великий князь Мстислав доверил ему сей монастырь княжий, где с тех дней бывали только люди значительные и славные вельми, потому что монастырь стал словно бы продолжением княжьего двора: здесь происходили не только моления, но и пиршества княжьи, в палатах игумена принимали гостей со всего света, и все это были лица княжьего, а то и королевского достоинства, ведь известно же, что у великого князя Мстислава первой женой была Христина, дочь шведского короля Инга Стейнкельса, из уважения к высокому происхождению своей жены киевский князь детей от нее называл по-варяжски: сыну Изяславу дано еще второе имя Гаральда, дочерей называли Малфрид и Ингеборг. Малфрид стала женой сына норвежского короля Сигурда, когда тот возвращался из крестового похода в землю ромеев через Киев. Овдовев, Малфрид вышла замуж за датского короля Эрика, а Ингеборг выдана была за брата его Кнута Лаварда, властителя славного торгового города Любек, откуда в Киев прибывали богатые послы с дарами и приношениями, и без конца восхваляли Мстиславова зятя, и гостили попеременно то у самого князя, то в монастыре святого Феодора в палатах игумена. Когда же умерла Христина, князь Мстислав взял себе в жены дочь богатого новгородского боярина Дмитрия Завидича, имел от нее сыновей Святополка, Владимира, Михалка и двух дочерей. Одна из них, Евпраксия, стала женой ромейского царевича Алексея Комнина, а другая была выдана за черниговского князя Всеволода Ольговича, доказавшего свою силу изгнанием из Чернигова своего дяди Ярослава, а после смерти Мстиславова брата Ярополка, который отверг всех Мономаховичей, князь сел и на стол Киевский, не забывая милостями своими монастырь святого Феодора и его игумена Ананию. Коротким было княжение и Игоря, брата Всеволода, а сразу после него сел в Киеве Мстиславов сын Изяслав; когда же Игорь попросил у Изяслава дозволения постричься в монастырь, то избрал опять-таки эту княжью обитель, не ведая, что

отсюда пролегает путь в смерть насильственную, но это уже дела не людские, а божьи, вмешиваться в них никому не дано, в особенности же такими грубыми руками, как у этого княжеского прислужника, который нагло ворвался в монастырь со своим холопом, да еще и с парой коней, – вещь неслыханная и возмутительная.

Так стоял перед Дулебом игумен Анания, ощущая за собой ряды князей, королей, высокородных жен и детей, а еще имея своим покровителем бога, которому служил в течение всей своей жизни, Анания стоял спокойно-уверенный, исполненный презрения к этому человеку, который хотя и имел высокие полномочия от князя, но были они временные, на земле же временное не имеет значения, – ценится лишь постоянное, которое так или иначе соприкасается и с вечностью.

Дулеб чувствовал свое превосходство в простых и будничных делах и хорошо ведал, что ничего более важного ныне в Киеве нет и быть не может. Ибо впервые в истории этого великого города убит князь, убит беспричинно, позорно и унижительно, убит, собственно, уже и не князь, ибо Игорь, став монахом и приняв схиму, потерял власть и значение. Следовательно, убийство было таинственно-загадочным, никак не укладывалось в обычные представления о киевлянах, этих вольных и гордых людях, которые впускали к себе князя какого хотели, могли и выгнать из города нежелательного князя, будь он даже сыном великого Ярослава, как это было некогда сделано с Изяславом Ярославовичем; могли разгромить дворы княжских прислужников, надоевших своей жадностью и неправдами; могли, пренебрегая рядом и старшинством, призвать к себе князя, который был люб их сердцу, как это учинили они с Владимиром Мономахом, за которым послали в самый Переяслав, еще и пригрозили при этом, что ограбят все монастыри, ежели он откажется занять высокий стол. Всё могли гордые и независимые киевляне, но чтобы вытаскивать из монастыря больного бывшего князя, найти его даже в монастырской церкви, перед иконой божьей матери, бить уже здесь, в святых стенах, вести к воротам, бить в воротах, тащить через Киев, бить до смерти... Кто бы мог объяснить все это и как?

Почему в день убийства не заперты были, как всегда, монастырские ворота? Где был игумен Анания, когда убийцы врывались в монастырь и в церковь? Почему не встал перед толпой и не остановил наглецов словом божьим?

Но Дулеб молчал точно так же, как и игумен. Каждый из них ощущал свою силу, каждый был уверен в собственном превосходстве, но, вместе с тем, оба знали: этой смертью в Киеве они прочно связаны друг с другом. Поэтому приходилось принимать все то, что было, не пытаясь до поры до времени что-либо изменить.

Игумен уступил первым.

– Велю, чтобы коней накормили, – сказал он.

Но Дулеб ни в чем не хотел быть зависимым:

– Об этом позаботится Иваница.

А ночью случилось необъяснимое.

Имея в прихожей верного Иваницу, Дулеб спал крепко и спокойно. Снилось ему или не снилось, а среди ночи кто-то громко кричал: «Кузьма! Кузьма!» – Дулеба тоже звали Кузьмой, хотя никто, собственно, и не знал его имени, для всех он был просто Дулеб или же лекарь. Но вот пришло к нему словно бы самое детство, возвратились далекие годы с берегов Днестра и, пробившись сквозь крепчайший сон, вызывали из каменного скита на вольную волю, вызывали голосом сильным, выкриком молодецким, и Дулеб никак не мог взять в толк – снится это или происходит наяву.

Наконец он проснулся и отчетливо услышал: «Кузьма!» Голос грубый и незнакомый. Ему должен был бы ответить Иваница, раз уж выкрики раздавались где-то у самой двери, но Иваница почему-то молчал, хотя спал всегда чутко, будто птица на ветке. А невидимый человек снова позвал: «Кузьма!» – и Дулеб не выдержал, вскочил с деревянного узкого ложа,

подбежал к двери, коротко откликнулся: «Кто?» Спрашивал коротко не от страха, а из-за того, что не проснулся еще окончательно. У него не было времени прикоснуться рукой к топчанчику в передней (где же Иваница? Неужели спит так крепко?), поскорее толкнул дверь, хотел еще раз бросить в ночь свое резкое: «Кто?» но не успел, потому что в дверь с той стороны что-то ударило с силой страшной и короткой и словно бы вонзилось в доски таким острым и так глубоко, что Дулеб невольно почувствовал, будто это неведомо-острое вонзилось ему в грудь. Так оно, видно, и должно было быть, да только толстые дубовые двери стали его защитой. И снова не успел он даже испугаться, не прятался за дверью, а выскочил во двор и потянулся рукой туда, где только что послышался удар.

В двери торчало длинное тяжелое копьё, вогнанное в дубовую доску чуть ли не на глубину всего наконечника.

– Кто здесь? – уже гневно и требовательно крикнул Дулеб.

– Кузьма? – спросил грубый мужской голос. – Подойди ближе, сын.

– Какой сын? Я Кузьма Дулеб. Княжий лекарь.

– Дулеб? – Тот еще не верил. – А мне сказали: тут Кузьма. Сын мой.

– Да кто ты, странный человек? – нетерпеливо спрашивал Дулеб. Покажись, что ли.

Чуть не убил меня, а теперь о каком-то сыне глаголешь. Где ты?

Он бесстрашно пошел в темноту, но не нашел никого.

Собственно, в таких случаях Дулеба должен был выручать Иваница, между ними существовало неписаное соглашение, но Иваница спал непробудно, не слышал ничего, и это встревожило Дулеба еще больше, чем невидимый человек с копьём. Такое случалось впервые. Иваница умел не спать именно тогда, когда ему нужно было не спать, Иваница всегда предупреждал опасность. Иваница всегда знал наперед, предчувствовал каким-то таинственным образом все, что скрыто было до поры до времени от всех остальных. А поскольку он всегда щедро делился своим знанием прежде всего с Дулебом, способность ясновидения приписывалась прежде всего Дулебу, потому что, как бы там ни было, Иваница являлся слугой княжьего лекаря, а прислужник – это ведь не человек, в лучшем случае это – полчеловека.

Так считали все, кроме самого Дулеба. Для Дулеба Иваница был товарищем, верным помощником, а часто еще и спасителем.

– Иваница! – позвал Дулеб, возвращаясь в свое каменное прибежище, которое чуть было не стало последним. – Спишь, что ли?

Он подошел к ложу, на котором должен был спать его товарищ, осторожно ощупал темноту.

Иваницы не было.

Только теперь Дулеб вспомнил, что в передней келейке должна была гореть свеча. Свечи лежали возле ставника еще из Игоревых запасов, там их хватило бы на много ночей. Иваница должен был следить еще и за тем, чтобы не угасал свет, но вышло, вишь, так, что и свечка угасла и Иваницы нет.

Дулеб прошел в тот угол, где должен был быть ставник со свечой, долго водил во тьме рукой, не нашел ничего.

Иваницу же леший попутал. С ним бывало всякое, но такого – никогда еще. Откровенно говоря, мир полон тайн, но это не для Иваницы. Для него мир был открыт всегда и во всем. Тайной для мира мог быть разве лишь сам Иваница. Потому что он всегда все знал, а о нем никто ничего. Даже велемудрый лекарь Дулеб. Если бы у Дулеба спросили, откуда у него взялся Иваница, он не смог бы ответить. Потому что тот родился словно бы сам по себе, ниоткуда. Вот так. Еще вчера его не было, а сегодня уже есть. Появился, и все. Беззаботный, здоровый, как рыба, ясные глаза, ясное лицо.

– Хворь имеешь? – спросил для приличия Дулеб, хотя твердо знал, что спрашивает лишь для приличия.

– А что такое хворь? – удивился Иваница.

– Зачем же ты пришел?

– Помогать тебе хочу.

– Смыслишь в лечении?

– А что такое лечение? – спросил Иваница.

– Ну, – Дулеб, быть может, впервые столкнулся с такой наивной простотой. – У людей время от времени непременно что-нибудь болит, я и помогаю тогда им своим умением. Это и есть лечение.

– Вот! – радостно промолвил Иваница. – Я и говорю.

Дулеб смотрел на него доброжелательно, поэтому Иваница решил сказать все до конца.

– Ты помогаешь людям? Я буду помогать тебе. Негоже ведь, чтобы такому человеку никто не помогал.

– Как же ты помогать будешь, ежели не смыслишь в лечении?

– Хворому что? – улыбнулся Иваница. – Хворому поможешь ты. А кто поможет здоровому? Свет широкий, все в нем есть. Вот там и понадобится тебе Иваница.

– Уже знаешь свет? – недоверчиво спросил Дулеб.

– А оно само узнается, – беззаботно взглянул на него Иваница.

Если же сказать откровенно, знания приходили к Иванице от женщин. Известно, что для женщин тайн не существует нигде, известно также, что женщинам всегда хочется поделиться тем сокровищем, которым они обладают, и вот тут оказывался нужным этой лучшей части человечества именно Иваница. Не следует считать, будто он подманивал женщин или, грешно даже подумать, применял к ним силу и принуждение. Они сами шли к нему, влекомые его добротой, его улыбочатой незащищенностью, его беспомощностью. Он не походил на тех задиристых, наглых, быстрых на все злое мужчин, которые слонялись по свету в одиночку или же целыми толпами, часто возглавляемые воеводами, а то и князьями, в нем было нечто детское, хотелось помогать такому славному парню, спасти его от вероятных жестокостей мира, а кто же мог сделать это лучше женщин? И они приходили к Иванице с новостями, предостережениями, тайнами, предположениями, а то и с пророчествами.

А уже Иваница от щедрости своей делился знаниями с Дулебом, каждый раз вызывая у того удивление, хотя казалось, не должен был бы удивляться этот человек, который еще издали, лишь увидев кого-нибудь, мог точно сказать, здоров он или болен, и даже мог довольно точно определить недуг, которым страдал немощный. Так и получалось: один из них ведал обо всем, что происходит вокруг людей, а другой как бы заглядывал в их души, видел их нутро. Радостного в этом, наверное, было мало, но у каждого на земле есть свое призвание, их призвание было именно таким.

Следует отметить еще и то, что Иваница никогда не проявлял интереса к знаниям Дулеба, потому что считал людскую хворь недостойной своего внимания, зато щедро делился со своим старшим товарищем всем добытым, и не так, видимо, из осознания важности своих сведений, сколько от врожденной доброты.

Так оно получилось и в Чернигове, куда великий князь Изяслав посылал Дулеба не для выведываний, а только по лекарским делам.

За год до этого Изяслав захватил Киевский стол раньше своих стрывов Вячеслава и Юрия Мономаховичей, устранив Игоря Ольговича, который был князем киевским каких-нибудь две недели после смерти брата своего Всеволода Ольговича. С изгнанием Игоря наступил конец господству Ольговичей в Киеве, киевляне вельми радовались возвращению (не без их помощи) Мономаховичей; брат Игоря Святослав Ольгович ведал тоже весьма хорошо, что не вернуть уже для их рода Киевский стол, но боль за брата, которого Изяслав сначала посадил в поруб, а потом послал в монастырь, и стремление хоть как-нибудь донять Изяслава бросили Святослава в сообщники суздальского князя Юрия, сына Мономаха. Тот

чувствовал себя тоже обиженным, потому что его племянник Изяслав, пренебрегая рядом старшинства, забыв и о старшем своем дяде Вячеславе, и о нем, могучем и вездесущем (за это и прозван он был Долгоруким) Юрии, захватил стол Киевский, так, словно это было какое-то заброшенное ловище, или купеческий обоз, или красна девица, на которую, имеет право тот, кто первым доскочит.

Так и прошел год княжения Изяслава в Киеве в непрестанных стычках, походах, в напряжении, неприятностях и страхах. Но киевляне стояли за Изяслава твердо, и он сумел загнать своего врага Святослава Ольговича чуть ли не к его высокому покровителю Юрию Суздальскому. Да и не только это, а еще оторвал от Святослава его сообщников – черниговских князей Владимира и Изяслава Давыдовичей и Святослава Всеволодовича (племянника Святослава Ольговича). Дело дошло до того, что черниговские князья начали звать к себе Изяслава: «Брат наш! Занял Святослав Ольгович нашу волость во вятичах, давай пойдем на него. Когда же прогоним его, пойдем и на Дюргия в Суздаль и либо мир с ним сотворим, либо же биться будем».

Киевляне отступились от своего князя в этом деле. «Княже, – сказали они, – не ходи на стрыя своего, лучше уладь с ним дело. Ольговичам не верь и в путь с ними не отправляйся». Но не было единодушия среди несогласных. Изяслав видел это ясно. Поэтому уперся на своем: «Черниговские князья целовали мне крест, думу с ними думал, и уже не могу отложить этот поход. Кто же захочет со мной, догоняйте!» На что киевляне опять-таки сказали ему: «Княже, ты на нас не гневайся, мы не можем на Мономахово племя поднять руку». Как всегда бывает, одни говорили, другие молчали. Из этих молчунов Изяслав набрал себе воинов и без промедления отправился в путь; чтобы пополнить свое войско, он пошел кружной дорогой на Альту, на Нежатин, на Роситину. Там встретил его гонец из Чернигова от Изяслава Давыдовича. Давыдович передавал, что вряд ли дождетсЯ Изяслава с полками, ибо немощен сердцем.

– Все Изяславы немощны сердцем, – рассмеялся киевский князь и послал вперед себя Дулеба, чтобы тот помог черниговскому Изяславу, хотя все эти месяцы, пока Дулеб был при нем, князь не очень охотно отпускал его от себя, поскольку и сам часто болел сердцем, страдал от колик в животе.

Там и отличился Иваница так, что Дулеб из обычного княжьего лекаря сразу вырос в довереннейшее лицо.

Пока Дулеб втирал Давыдовичу в мохнатую грудь у сердца травяные настои, Иваница, по своему обыкновению, где-нибудь лениво прогуливался или же просто лежал в тени, а возможно, и на Десну купаться ходил, хотя черниговцы в такое время, кажется, уже и не купались, считая воду слишком холодной после того, как погасли над нею купальские огни. Как бы там ни было, поздней ночью Иваница растолкал сонного Дулеба и чуточку испуганно, что с ним случалось крайне редко, сказал: «Князя нашего заманивают в Чернигов, чтобы убить». – «Какого князя?» – не понял спросонья Дулеб. «Ну, нашего, Изяслава». Дулеб никак не мог проснуться окончательно. «Изяслава Давыдовича?» – спросил он. «Да нет, нашего, киевского. Эти, в Чернигове, целовали крест Святославу Ольговичу, что убьют Изяслава, взяв его коварством и хитростью. Все и целовали: оба Давыдовича и Святослав Всеволодович, потому как это родной племянник Святослава». Объяснение Иваницы было столь исчерпывающим, что переспрашивать не годилось. Дулеб лишь любопытствовал: «Откуда ведаешь сие?» – хотя хорошо знал, что Иваница этого не скажет, как не говорил никогда.

На рассвете они выехали из Чернигова, прискакали к Изяславу, и тут Дулеб передал князю то, что услышал от Иваницы. Изяслав не поверил, да и кто бы поверил! Спросил у Дулеба, как он узнал, но тот ничего сказать не мог, – не ссылаться же на Иваницу: Иваница для князя – ничто, а для Дулеба – все.

– Вот знаю, да и все, а ты, княже, думай, – сказал Дулеб.

Изяслав тотчас же послал к черниговским князьям воеводу с вопросом, не замыслили ли они чего-нибудь недоброго. Те ответили уклончиво. Тогда еще один посол поехал в Чернигов и уже прямо сказал князьям в глаза об их измене. И еще спросил посол от имени князя Изяслава: так это или не так? Те долго переглядывались между собой, потом велели послу выйти; посоветовавшись, снова позвали его и велели передать Изяславу следующее: «Брат, целовали крест Святославу Ольговичу, ибо жаль нам, что держишь брата нашего Игоря, хотя он уже не князь, а монах и схимник. Отпусти брата нашего, тогда с тобой пойдём. Разве любо тебе было бы, если б твоего брата держали?»

Тогда отослал им Изяслав крестные их грамоты, объявляя этим войну, а на подмогу себе позвал брата Ростислава из Смоленска и брата Владимира с киевлянами.

Вот тогда и стряслось неожиданное. Киевляне, услышав от Изяслова посла об измене черниговских князей, в приливе дикой ярости бросились в монастырь святого Феодора, вытащили оттуда князя Игоря и убили его.

Когда Изяслав услышал об убийстве, заплакал и сказал дружине: «Теперь как мне спастись от людского наговора? Будут говорить, что это я убил Игоря, а бог свидетель, что я ни сам не убивал, ни наущал убивать». Дружина успокоила князя: «Бог, княже, и все люди ведают, что не ты убил Игоря, а его братья. Разве же не целовали они тебе крест, а потом хотели тебя тоже убить?»

Но дружина на то и есть, чтобы поддерживать и утешать своего князя. А люди? Что они скажут? Если и не скажут – подумают. Как ни бодрись, а тень от убийства Игоря падала на Изяслава, он понял это сразу и возжелал отворотить от себя все подозрения. А как ты их отворишь? Единственный путь – установить, кто убил, как это произошло, кто скрывался за спинами убийц.

– Начал ты сие дело тяжкое, ты же и заканчивай. Поезжай тайком в Киев и узнай про убийство Игоря. Лишь для меня, ни для кого больше. Дам тебе гривну княжескую и печать. Лазарю, тысяцкому, напишу... Ежели ты не сделаешь этого, никто мне не поможет...

Князь не спрашивал согласия – посылал, и все. Князья всегда так поступают. Правда, Дулеб попытался было напомнить Изяславу о своем лекарстве, однако князь забыл про болезни: хлопоты душевные донимали его намного сильнее, он не стал зря тратить слов, махнул рукой.

– Встряли мы в темное дело, Иваница, – сказал Дулеб, когда они уже ехали в Киев.

– А, выпутаемся, – беззаботно улыбнулся Иваница.

– Думаешь, легко нам будет?

– А так, как всегда.

Дулеб любил Иваницу за уверенность во всем. Иванице же Дулеб нравился тем, что никогда не приставал с назойливыми расспросами. Мог удивиться, когда что-нибудь узнавал от Иваницы, но не больше. Зато никогда не приставал с ножом к горлу: откуда, да как, да почему, да за какие деньги узнал?

Ну, так вот, въехали они в Киев под вечер, сразу укрылись в монастыре, никто толком и не знал об их приезде. Если какая-нибудь киевская молодичка и увидела Иваницу и польстилась на его улыбку, то, хоть убей, не могла она за такое короткое время допытаться, где, в каком дворе, за какими воротами укрылся на ночлег этот молодец. Стало быть, по всему можно было судить, что по крайней мере первую ночь Иваница проспал в Киеве свободно, не потревоженный теми, которые сладко тревожили его всюду.

Но вот среди ночи явилось видение. Коснулось его плеча, положило себе пальчик на уста, призывая молчать, кивнуло, чтобы шел следом, и повело из кельи через монастырский двор, мимо церкви к глухой стене, где росли высокие деревья. В белой сорочке, с белыми волосами, белолицее, белорукое, несло свечу, прикрывая слабый огонек маленькой ладошкой, и ладошка светилась не розовым, как у всех людей, а тоже словно бы белым.

Наваждение, да и только.

Возле стены оно вознеслось вверх, странным образом как-то зацепилось за темную ветку, не выпуская свечи, перепорхнуло через стену, позвало Иваницу уже оттуда голосом таким нежным, что у него даже сердце замерло:

– Иди за мной.

Он прыгнул тяжело раз и еще раз, пока ухватился за ветку, долго карабкался через стену, прыгнул в темноту на противоположную сторону, встал, оглянулся вокруг. Нигде никого.

– Эй! – тихонько позвал Иваница. – Где ты?

Никто не откликнулся.

Он пометался около стены, торопливо прошелся по улице, потом по другой. Никого. Наваждение!

Должен был бы перекреститься, но только сплюнул. Перелез через стену, медленно начал пробираться к каменному скиту, все еще не теряя надежды, что снова появится эта неправдоподобно белая девчушка с голосом, от которого замирает сердце.

Не появилась.

Возле скита его ждал Дулеб.

– Где ты был?

– Да... нигде.

– Гонялся за кем-нибудь?

– За кем бы мне гоняться?

– А вот.

Дулеб взял его за руку и дал пощупать загнанное в дверь копые.

– Вот уж! – воскликнул Иваница.

Всегда нужно иметь свидетелей. Когда не имеешь – позови. Но на такое дело ни один из них не мог позвать никого. Не умели даже сказать друг другу, что же такое с ними случилось. Запутанное было дело и темное. Дулеб почувствовал враждебность, нависшую над ними в Киеве, как только въехали они в ворота великого города. Иваница же, по своему обыкновению, лишь удивился этому происшествию. Когда же Дулеб осторожно высказал опасения относительно успеха их тайного посольства, младший его побратим беззаботно произнес свое излюбленное, исчерпывающее: «Вот уж!»

Была пятница, как и в тот день, когда убили Игоря. Хотя сентябрь шел на спад, солнце жгло немилосердно, будто навеки утратило свою ласковость. Правда, замечено было, что и в Киеве солнце ярится подчас, и ярость солнца приходится на август, начиная с первых его дней. В августе умер Всеволод, передав стол брату своему Игорю. В том же самом августе прогнал из Киева неудачника Игоря проворный Изяслав, опередив всех Мономаховичей, в этом году в августе отправился Изяслав на соединение с черниговскими князьями, а получилось из этого то, ради чего Дулеб должен теперь сидеть с Иваницей в Киеве и доискиваться причин ярости уже и не солнца, а людской. Что, как известно, никогда не было делом простым и легким.

Дулеб встревожен был не столько непонятным ночным происшествием и не столько откровенной неприязнью игумена Анании которую почувствовал с первой встречи, сколько тем, что дали им уже первые дни расспросов. Никто в Киеве, казалось, не скрывал того, что случилось, все охотно выкладывали все до малейших подробностей о смерти Игоря, рассказывали так складно и умело, будто кто-то заранее, еще при живом Игоре, сложил легенду о его убийстве, из которой можно было узнать о чем угодно, кроме главного: кто виновник!

Виновных не было... Кто первым крикнул о смерти князя, кто бежал к монастырю, кто бил Игоря, кто убивал? Об этом не было речи. Будто бы кричал весь Киев, будто в монастырь бежали все киевляне и князя убивали тоже все.